

**ЛИТАГЕНТ «АСТ», ФРИДРИХ
ЭНГЕЛЬС**

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ И
ГОСУДАРСТВА**

Эксклюзивная классика (АСТ)

Фридрих Энгельс

**Происхождение семьи, частной
собственности и государства**

«Public Domain»

1884

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Энгельс Ф.

Происхождение семьи, частной собственности и государства /
Ф. Энгельс — «Public Domain», 1884 — (Эксклюзивная классика
(АСТ))

ISBN 978-5-17-118289-2

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» – один из самых известных трудов выдающегося немецкого философа и мыслителя 19 века Фридриха Энгельса. Это фундаментальное произведение стало одним из основополагающих в развитии марксизма. В книге автор раскрывает вопросы первоначальной истории, процесс образования классового общества, построенного на частной собственности, подробно рассматривает процесс развития семейных отношений. Автор отстаивает позицию о неизбежном отмирании классового общества и государства с последующей победой коммунизма. Книга являет собой ценный материал для философов, политологов, социологов, а также для всех, интересующихся проблемами развития общества в целом. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-118289-2

© Энгельс Ф., 1884
© Public Domain, 1884

Содержание

Предисловие к первому изданию 1884 года	6
Предисловие к четвертому немецкому изданию 1891 года к истории первобытной семьи	8
Происхождение семьи, частной собственности и государства	16
I. Доисторические ступени культуры	16
1. Дикость	16
2. Варварство	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Фридрих Энгельс
Происхождение семьи, частной
собственности и государства

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие к первому изданию 1884 года

Нижеследующие главы представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего – в известных пределах я могу сказать нашего – материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс. И подобно тому, как присяжные экономисты Германии годами столь же усердно списывали «Капитал», сколь упорно замалчивали его, точно так же и представители «доисторической» науки в Англии поступали с «Древним обществом» Моргана¹. Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что уж не суждено было выполнить моему покойному другу. Но в моем распоряжении имеются среди его подробных выписок из Моргана² критические замечания, которые я, в той мере, в какой это относится к теме, воспроизвожу здесь.

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории являются в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях, структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней – частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, – общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени.

Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории. Его сочинение – труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его – одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху.

---

¹ Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization/By Lewis H. Morgan. London: Macmillan and Co., 1877. *Льюис Г. Морган. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации.* Лондон: Макмиллан и К., 1877. Книга напечатана в Америке, и в Лондоне достать ее чрезвычайно трудно. Автор умер несколько лет тому назад.

² См.: *Маркс К.* Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 227–372).

В нижеследующем изложении читатель в общем и целом легко отличит, что принадлежит Моргану и что добавил я. В исторических разделах о Греции и Риме я не ограничился данными Моргану и добавил то, что находилось в моем распоряжении. Разделы о кельтах и германцах в основном принадлежат мне; Морган располагал тут материалами почти только из вторых рук, а о германцах – кроме Тацита – лишь низкопробными либеральными фальсификациями г-на Фирмана. Экономические обоснования, которые были достаточны для целей, поставленных Морганом, но для моих целей совершенно недостаточны, все заново переработаны мной. Наконец, само собой разумеется, я отвечаю за все те выводы, которые сделаны без прямых ссылок на Моргану.

Написано около 26 мая 1884 г.

Напечатано в книге: F. Engels. «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats». Hottingen Zurich, 1884

Предисловие к четвертому немецкому изданию 1891 года к истории первобытной семьи (Бахофен, МакЛеннан, Морган)

Предыдущие издания этой книги, выходявшие большими тиражами, целиком разошлись почти полгода тому назад, и издатель³ давно уже просил меня подготовить новое. Более неотложные работы до сих пор мешали мне это сделать. Со времени выхода в свет первого издания прошло семь лет, и за эти годы в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более что предполагаемое печатание настоящего текста со стереотипа лишит меня на некоторое время возможности вносить дальнейшие изменения⁴.

Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено нынешнее состояние науки. Далее я даю ниже в этом предисловии краткий обзор развития взглядов на историю семьи от Бахофена до Моргана; я делаю это главным образом потому, что шовинистически настроенная английская школа первобытной истории по-прежнему делает все возможное, чтобы замолчать переворот во взглядах на первобытную историю, произведенный открытиями Моргана, несколько не стесняясь, однако, при этом присваивать себе полученные Морганом результаты. Да и в других странах кое-где слишком усердно следуют этому английскому примеру.

Моя работа была переведена на различные иностранные языки. Прежде всего на итальянский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в просмотренном автором переводе Паскуале Мартиньетти, Беневенто, 1885. Затем на румынский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», перевод Иона Нэеде; опубликовано в яссском журнале «Contemporanul» с сентября 1885 по май 1886 года. Далее – на датский: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», издание, подготовленное Герсоном Триром. Копенгаген, 1888; французский перевод Анри Раве, сделанный с настоящего немецкого издания, находится в печати.

* * *

До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли – за исключением многоженства – с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала якобы никакого исторического развития; самое большее – допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. – Правда, кроме единобрачия, было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи. Что у отдельных народов древнего мира, как и у некоторых еще существующих дикарей, происхождение считалось не по отцу, а по матери, так что женская линия признавалась единственно имеющей значение; что у многих

---

³ И. Диц.

⁴ В тексте, опубликованном в журнале «Die Neue Zeit», конец этой фразы после слов «тем более что» дан в следующей редакции: «новое издание должно выйти большим тиражом, обычным теперь в немецкой социалистической литературе, но все еще крайне редким для немецких книгоиздательств».

современных народов воспрещаются браки внутри определенных, более или менее крупных, групп, в то время еще обстоятельно не исследованных, и что этот обычай встречается во всех частях света, – эти факты были, правда, известны, и такого рода примеров накапливалось все больше. Но как к ним подойти, никто не знал, и даже еще в «Исследованиях первобытной истории человечества и т. д.» Э. Б. Тэйлора (1865) они фигурируют просто как «странные обычаи» наряду с действующим у некоторых дикарей запрещением прикасаться к горящему дереву железным орудием и тому подобными религиозными пустяками.

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа Бахофена «Материнское право». Автор выдвинул в этой работе следующие положения:

1) у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, которые он обозначает неудачным выражением «гетеризм»;

2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии – согласно материнскому праву, – как первоначально это и было у всех народов древности;

3) вследствие этого женщины как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократии);

4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, таил в себе нарушение древнейшей религиозной заповеди (то есть фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или допускалось при условии выкупа, состоявшего в том, что женщина в течение определенного времени должна была отдаваться посторонним.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительной тщательностью собранных цитатах из классической литературы древности. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, – в частности у греков, – вследствие дальнейшего развития религиозных представлений, вследствие водворения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, олицетворявшую старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало, по Бахофену, исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. В соответствии с этим Бахофен толкует «Орестею» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и побеждающим отцовским правом. Ради своего любовника, Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с Троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют Эринии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери – тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую призывают в качестве судьи, – оба божества, представляющие здесь новый порядок, основанный на отцовском праве, – защищают Ореста; Афина заслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато выражен в дебатах, происходящих между Орестом и Эриниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив своего супруга и, вместе с тем, его отца. Почему же Эринии преследуют его, а не преследовали ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была»⁵.

---

⁵ Эсхил. Орестея. Эвмениды.

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он – муж убившей его женщины, может быть искуплено, Эриний оно нисколько не касается; их дело – преследовать убийство лишь среди родственников по крови, и тут, согласно материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот в роли защитника Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага – афинских присяжных; голоса делятся поровну – за оправдание и за осуждение; тогда Афина как председательница подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами Эринии, побеждают Эриний, и, в конце концов, последние тоже соглашаются взять на себя новые обязанности, перейдя на службу новому порядку.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестей» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что Бахофен по меньшей мере так же верит в Эриний, Аполлона и Афину, как в свое время Эсхил; а именно: он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заменив его отцовским. Ясно, что подобное воззрение, по которому религия имеет значение решающего рычага мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать книгу Бахофена – толстый том большого формата – работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый вместо фраз о неведомом первобытном состоянии с неупорядоченными половыми отношениями представил доказательство наличия в классической литературе древности множества подтверждений того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое состояние, когда, нисколько не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половые отношения с несколькими женщинами, но и женщина – с несколькими мужчинами; он доказал, что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя след в виде необходимости для женщины выкупать право на единобрачие ценой ограниченной определенными рамками обязанности отдаваться посторонним мужчинам; что поэтому происхождение могло первоначально считаться только по женской линии – от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия, когда отцовство сделалось достоверным, или во всяком случае стало признаваться; что, наконец, это первоначальное положение матерей как единственных достоверных родителей своих детей обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они с тех пор уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, – этому помешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало целую революцию.

Толстый том Бахофена был написан по-немецки, то есть на языке нации, которая в то время менее всего интересовалась предысторией современной семьи. Поэтому книга осталась неизвестной. Ближайший преемник Бахофена на том же поприще, выступивший в 1865 г., даже не слышал о нем.

Этим преемником был Дж. Ф. Мак-Леннан – прямая противоположность своему предшественнику. Вместо гениального мистика тут перед нами – сухой юрист; вместо буйной поэтической фантазии – тщательно взвешенные построения выступающего в суде адвоката. Мак-Леннан находит у многих диких, варварских и даже цивилизованных народов древнего и нового времени такую форму заключения брака, при которой жених, один или со своими друзьями, должен как бы насильственно похитить невесту у ее родных. Этот обычай является, по-видимому, пережитком более раннего обычая, когда мужчины одного племени действительно насильно похищали себе жен на стороне, у других племен. Как же возник этот «брак-похищение»? Пока мужчины могли находить достаточно жен в своем собственном племени, для такого брака не было никакого повода. Но столь же часто мы находим, что у неразвитых народов существуют известные группы (в 1865 г. их еще часто отождествляли с самими пле-

менами), внутри которых брак запрещен, так что мужчины вынуждены брать себе жен, а женщины мужей – вне этой группы; между тем у других существует обычай, требующий, чтобы мужчины, принадлежащие к определенной группе, брали себе жен только внутри своей собственной группы. Мак-Леннан называет первые группы экзогамными, вторые – эндогамными и тут же, без дальнейших околичностей, конструирует резкую противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами». И хотя его же собственное исследование экзогамии прямо-таки носом наталкивает его на тот факт, что эта противоположность во многих случаях, если не в большинстве или даже во всех, существует лишь в его воображении, он все же кладет ее в основу всей своей теории. Экзогамные племена могут, согласно этому, брать для себя жен только из других племен, а это при свойственном периоду дикости непрерывном состоянии войны между племенами можно сделать лишь путем похищения.

Мак-Леннан спрашивает далее: откуда произошел этот обычай экзогамии? Представления о кровном родстве и кровосмешении не имеют к этому никакого отношения: это – явления, которые развиваются лишь значительно позже. Другое дело – широко распространенный среди дикарей обычай убивать детей женского пола тотчас же после рождения. Благодаря этому в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, ближайшим следствием которого неизбежно должно было явиться совместное обладание несколькими мужчинами одной женой – многомужество. Отсюда, по его мнению, следует, что известно было, кто мать ребенка, но неизвестно, кто его отец, и поэтому счет родства велся лишь по женской линии, а не по мужской. Это было материнское право. Вторым же следствием недостатка женщин внутри племени, – недостатка, ослабляемого, но не устраняемого многомужеством, – именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен.

«Так как экзогамия и многомужество возникают вследствие одной и той же причины, – численного неравенства обоих полов, – то мы должны признать, что у всех экзогамных рас первоначально существовало многомужество... И поэтому мы должны считать бесспорным, что среди экзогамных рас первой системой родства была та, которая знала кровные узы лишь с материнской стороны» (Мак-Леннан, «Очерки по древней истории», 1886, «Первобытный брак», стр. 124).

Заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он указал на повсеместное распространение и большое значение того, что он называет экзогамией. Он вовсе не открыл факт существования экзогамных групп и во всяком случае не понял его. Не говоря уже о более ранних отдельных указаниях многих наблюдателей, – они-то и были источниками Мак-Леннана, – Лейтам («Описательная этнология», 1859) точно и верно описал этот институт у индийских магаров и высказал мнение, что он общераспространен и встречается во всех частях света, – это место цитирует сам Мак-Леннан. Да и наш Морган еще в 1847 г. в своих письмах об ирокезах (опубликованных в «American Review») и в 1851 г. в работе «Лига ирокезов» доказал наличие подобного института у этой группы племен и дал правильное описание его, между тем как адвокатский ум Мак-Леннана, как мы увидим, внес здесь гораздо больше путаницы, чем мистическая фантазия Бахофена в области материнского права. Дальнейшая заслуга Мак-Леннана состоит в том, что он признал порядок происхождения по материнскому праву первоначальным, хотя в этом отношении, как он и сам позднее признал, Бахофен опередил его. Но и тут у него имеются неясности; он постоянно говорит о «родстве только по женской линии» (*kinship through females only*), все время применяя это выражение, правильное для более ранней ступени, также и к позднейшим ступеням развития, когда происхождение и право наследования, правда, считаются еще исключительно по женской линии, но родство признается и определяется также и с мужской стороны. Это – ограниченность юриста, который, создав себе твердый правовой

термин, продолжает применять его в неизменном виде и к таким условиям, в которых он уже успел стать неприменимым.

Однако при всей своей основательности теория Мак-Леннана и самому ее автору представлялась, по-видимому, недостаточно прочно обоснованной. По крайней мере, он сам обращает внимание на

«тот примечательный факт, что наиболее отчетливо выраженная форма» (мнимого) «похищения женщин распространена как раз у тех народов, у которых мужское родство» (то есть происхождение по мужской линии) «господствует» (стр. 140).

И далее:

«Странно, что детоубийство, насколько нам известно, никогда не практикуется систематически там, где существуют рядом экзогамия и древнейшая форма родства» (стр. 146).

Оба эти факта находятся в явном противоречии с его способом объяснения, и он может противопоставить им лишь новые, еще более запутанные гипотезы.

Тем не менее его теория получила в Англии горячее одобрение и широкий отклик; Мак-Леннана все считали здесь основоположником истории семьи и первым авторитетом в этой области. Его противопоставление экзогамных «племен» эндогамным, несмотря на то что были установлены отдельные исключения и видоизменения, оставалось все же общепризнанной основой господствовавших воззрений и превратилось в шоры, делавшие невозможным всякое непредвзятое рассмотрение исследуемой области, а тем самым и всякий решительный шаг вперед. В противовес распространенной в Англии переоценке заслуг Мак-Леннана, а по английскому примеру и в других странах, следует подчеркнуть, что своим противопоставлением экзогамных и эндогамных «племен», являющимся чистым недоразумением, он причинил больше вреда, чем принес пользы своими исследованиями.

Между тем вскоре начало обнаруживаться все больше и больше фактов, не уместившихся в изящных рамках его теории. Мак-Леннан знал лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачие. Но уж раз на этот пункт было направлено внимание, стали находить все больше и больше доказательств, что у неразвитых народов существовали такие формы брака, когда несколько мужчин обладали сообща несколькими женщинами; и Леббок («Происхождение цивилизации», 1870) признал этот групповой брак (Communal marriage) историческим фактом.

Вслед за тем, в 1871 г., выступил Морган с новым и во многих отношениях решающим материалом. Он убедился, что действующая у ирокезов своеобразная система родства была свойственна всем коренным жителям Соединенных Штатов и, следовательно, распространена на целом континенте, хотя она прямо противоречит степеням родства, фактически вытекающим из принятой там системы брака. Он побудил американское федеральное правительство собрать, на основе им самим составленных вопросника и таблиц, сведения о системах родства у прочих народов и из ответов увидел: 1) что принятая у индейцев Америки система родства существует также у многочисленных племен в Азии, а в несколько видоизмененной форме – в Африке и в Австралии; 2) что система эта получает свое полное объяснение в той форме группового брака, которая находится как раз в стадии отмирания на Гавайских и других австралийских островах и 3) что наряду с этой формой брака на тех же островах существует, однако, и такая система родства, которая может быть объяснена только еще более древней, ныне вымершей формой группового брака. Собранные сведения вместе со своими выводами из них он опубликовал в своей работе «Системы родства и свойства», 1871, и тем самым перенес спор в несравненно более обширную область. Исходя из систем родства, он восстановил соответствующие им формы семьи и, таким образом, открыл новый путь для исследования

и возможность глубже заглянуть в предысторию человечества. Восторжествуй этот метод, и изящные построения Мак-Леннана разлетелись бы в прах.

Мак-Леннан встал на защиту своей теории в новом издании «Первобытного брака» («Очерки по древней истории», 1876). В то время как сам он конструирует историю семьи в высшей степени искусственно, опираясь на одни лишь гипотезы, от Леббока и Моргана он требует не просто доказательств для каждого их утверждения, но доказательств неопровержимых, таких, какие только и допускаются в шотландском суде. И так поступает тот самый человек, который на основании наличия тесной связи между братом матери и сыном сестры у германцев (Тацит, «Германия», гл. 20), на основании рассказа Цезаря о том, что у бриттов каждые десять или двенадцать мужчин имеют общих жен, и всех других рассказов древних писателей об общности жен у варваров, не колеблясь, делает вывод, что у всех этих народов господствовало многомужество! Кажется, что слушаешь прокурора, который готов позволить себе любую вольность при предъявлении обвинения, а от защитника требует самого строгого, имеющего юридическую силу доказательства для каждого слова.

Групповой брак – чистейшая выдумка, утверждает он, оказываясь тем самым далеко позади Бахофена. Система родства у Моргана – по его мнению – простые правила общественной вежливости, и это доказывается тем фактом, что и к чужим – к белым – индейцы обращаются со словом: брат или отец. Это все равно, как если бы вздумали утверждать, что обозначения отец, мать, брат, сестра – просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических духовных лиц и настоятелей также называют отцами и матерями, а монахи и монахини и даже масоны и члены английских цеховых союзов на торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами: брат и сестра. Словом, защита Мак-Леннана была до крайности слаба.

Но оставался еще один пункт, в котором он был неуязвим. Противоположность между экзогамными и эндогамными «племенами», на которой покоилась вся его система, не только не была поколеблена, но была даже повсюду признана краеугольным камнем всей истории семьи. Допускали, что объяснение, которое Мак-Леннан пытался дать этой противоположности, недостаточно убедительно и противоречит фактам, приводимым им самим. Однако сама эта противоположность, существование двух взаимно исключающих видов обособленных и независимых племен, из которых племена одного вида брали для себя жен внутри племени, тогда как племенам другого вида это было абсолютно воспрещено, рассматривалась как неопровержимое евангелие. Сравни, например, Жиро-Тёлон, «Происхождение семьи» (1874) и даже Леббок, «Происхождение цивилизации» (4 издание, 1882).

Против этого пункта направлено главное произведение Моргана «Древнее общество» (1877), – произведение, которое положено в основу настоящей работы. То, о чем Морган в 1871 г. лишь смутно догадывался, здесь развито с полной ясностью. Эндогамия и экзогамия вовсе не составляют противоположности; существование экзогамных «племен» до сих пор нигде не доказано. Но в то время, когда господствовал еще групповой брак, – а он, по всей вероятности, некогда господствовал повсеместно, – племя расчленялось на ряд связанных кровным родством по материнской линии групп, родов, внутри которых царил строгое запрещение браков, так что мужчины, принадлежавшие к одному роду, хотя и могли брать для себя жен внутри племени и, как правило, так и делали, но должны были брать их вне своего рода. Таким образом, если род был строго экзогамным, то племя, охватывающее совокупность родов, было так же строго эндогамным. Этим был окончательно опровергнут последний остаток искусственных построений Мак-Леннана.

Но Морган этим не ограничился. Род американских индейцев дал ему, далее, основание сделать второй решающий шаг вперед в исследуемой им области. В этом роде, организованном согласно материнскому праву, он открыл первичную форму, из которой развился более поздний род, организованный сообразно отцовскому праву, – тот род, какой мы находим у

культурных народов античности. Греческий и римский род, являвшийся до того загадкой для всех историков, получил свое объяснение в индейском роде, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории.

Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука; со времени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует изучать и как нужно группировать полученные результаты. А в соответствии с этим теперь в этой области делаются гораздо более быстрые успехи, чем до появления книги Моргана.

Открытия Моргана признаны или, вернее, присвоены теперь всеми историками первобытного общества также и в Англии. Но почти ни у кого из них мы не найдем открытого признания, что именно Моргану мы обязаны этой революцией во взглядах. В Англии его книгу по возможности целиком замалчивают, а от него самого отделяются лишь снисходительной похвалой за его прежние работы; усердно копаются в отдельных деталях его изложения, а о его действительно великих открытиях упорно молчат. Первое издание «Древнего общества» разошлось; в Америке для подобных вещей нет должного сбыта; в Англии эту книгу, по-видимому, систематически игнорировали, и единственное издание этого составившего эпоху произведения, еще имеющееся в продаже, – немецкий перевод.

В чем причина этой сдержанности, в которой трудно не усмотреть заговор молчания, особенно если иметь в виду многочисленные цитаты, приводимые просто из вежливости, и другие свидетельства уважения к коллегам, которыми пестрят сочинения наших признанных знатоков первобытной истории? Уж не в том ли, что Морган – американец, и для английских историков первобытного общества весьма неприятно, что при всем их усердии в собирании материала, заслуживающем всяческого признания, они, когда дело касалось общих исходных положений, необходимых для систематизации и группировки этого материала, короче говоря, необходимых им идей, вынуждены обращаться к двум гениальным иностранцам – к Бахофену и Моргану? С немцем можно было бы еще примириться, но с американцем! По отношению к американцу каждый англичанин становится патриотом, и в Соединенных Штатах я видел забавные примеры этого. А к тому же Мак-Леннан был, так сказать, официально признанным основателем и главой английской школы первобытной истории; в этой области стало своего рода хорошим тоном говорить не иначе, как с величайшим почтением об его искусственной исторической конструкции, ведущей от детоубийства через многомужество и брак-похищение к семье, основанной на материнском праве; малейшее сомнение в существовании абсолютно исключаящих друг друга экзогамных и эндогамных «племен» считалось дерзкой ересью; таким образом, Морган, рассеявший как дым все эти освященные догмы, совершил в некотором роде святотатство. К тому же он рассеял их такими доводами, которые достаточно было только высказать, чтобы они тотчас стали очевидными для всех; так что почитатели Мак-Леннана, бессильные до сих пор выбраться из противоречий между экзогамией и эндогамией, должны были чуть ли не ударить себя по лбу и воскликнуть: как могли мы быть столь глупыми, что сами этого давно не обнаружили!

А если бы даже этих преступлений было недостаточно, чтобы официальная школа отнеслась к Моргану не иначе, как холодно отвернувшись от него, то он переполнил чашу тем, что не только подверг цивилизацию – общество товарного производства, основную форму нашего

современного общества, – такой критике, которая заставляет вспомнить о Фурье, но и высказался о грядущем преобразовании этого общества в таких выражениях, которые мог бы произнести Карл Маркс. Поэтому Морган получил по заслугам, когда Мак-Леннан с возмущением бросил ему упрек в том, что «исторический метод ему совершенно антипатичен», и когда женеvский профессор г-н Жиро-Тёлон подтвердил это и в 1884 г. А ведь этот самый г-н Жиро-Тёлон еще в 1874 г. («Происхождение семьи») беспомощно блуждал в лабиринте мак-леннаvной экзогамии, откуда его вывел только Морган!

Рассматривать здесь другие успехи, которыми обязана Моргану первобытная история, нет надобности; все необходимое на этот счет можно найти в соответствующих местах моей работы. Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Моргана, значительно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ; к антропологам, путешественникам и профессиональным историкам первобытного общества присоединились юристы, занимающиеся сравнительным правом, которые отчасти дали новый материал, отчасти выдвинули новые точки зрения. Некоторые отдельные гипотезы Моргана были в результате этого поколеблены или даже опровергнуты. Однако нигде вновь собранный материал не привел к необходимости заменить его существенные положения какими-либо другими. Система, внесенная им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор. Можно даже сказать, что она все более и более завоевывает себе общее признание, причем в такой же мере, в какой стараются утаить, что именно он является основоположником этого великого прогресса⁶.

Фридрих Энгельс

Лондон, 16 июня 1891 г.

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2. № 41. 1890–1891 и в книге: Friedrich Engels, «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats». Stuttgart, 1891.

---

⁶ На обратном пути из Нью-Йорка, в сентябре 1888 г., я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать мне о нем немного. Морган жил в Рочестере как частное лицо, занимаясь лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне, в военном министерстве; при содействии брата ему и удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник в то время, когда он был депутатом конгресса, тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом.

Происхождение семьи, частной собственности и государства

В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана

I. Доисторические ступени культуры

Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация, несомненно, останется в силе.

Из трех главных эпох – дикости, варварства, цивилизации – его, само собой разумеется, занимают только две первые и переход к третьей. Каждую из этих двух эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень сообразно с прогрессом в производстве средств к жизни, потому что, говорит он,

«искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени человеческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования»⁷.

Наряду с этим происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов.

1. Дикость

1. *Низшая ступень.* Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; главное достижение этого периода – возникновение членораздельной речи. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние.

2. *Средняя ступень.* Начинается с введения рыбной пищи (куда мы относим также раков, моллюсков и других водяных животных) и с применения огня. То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню. Но с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности. Грубо сделанные, неотшлифованные каменные орудия раннего каменного века, так называемые палеолитические, целиком или большей частью относящиеся к этому периоду, распространены на всех континентах и являются наглядным доказательством этих переселений. Заселение новых мест и постоянное деятельное стремление к поискам, в соединении с обладанием огнем, добывавшимся трением, доставили новые средства питания: содержащие

---

⁷ См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 229.

крахмал корни и клубни, испеченные в горячей золе или пекарных ямах (земляных печах), дичь, которая, с изобретением первого оружия, дубины и копья, стала добавочной пищей, добываемой от случая к случаю. Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут только охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна. Вследствие постоянной необеспеченности источниками питания на этой ступени, по-видимому, возникло людоедство, которое с этих пор сохраняется надолго. Австралийцы и многие полинезийцы и теперь еще находятся на этой средней ступени дикости.

3. *Высшая ступень.* Начинается с изобретения лука и стрелы, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота – одной из обычных отраслей труда. Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений. Сравнивая друг с другом народы, которые знают уже лук и стрелу, но еще не знакомы с гончарным искусством (его Морган считает началом перехода к варварству), мы действительно находим уже некоторые зачатки поселения деревнями, известную степень овладения производством средств существования: деревянные сосуды и утварь, ручное ткачество (без ткацкого станка) из древесного волокна, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Огонь и каменный топор обычно дают также возможность уже делать лодки из цельного дерева, а местами изготовлять бревна и доски для постройки жилища. Все эти достижения мы встречаем, например, у индейцев северо-запада Америки, которые хотя и знают лук и стрелу, но не знают гончарного дела. Для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, – решающим оружием.

2. Варварство

1. *Низшая ступень.* Начинается с введения гончарного искусства. Можно доказать, что во многих случаях и, вероятно, повсюду оно было обязано своим возникновением обмазыванию плетеных или деревянных сосудов глиной с целью сделать их огнеупорными. При этом скоро нашли, что формованная глина служит этой цели и без внутреннего сосуда.

До сих пор мы могли рассматривать ход развития как вполне всеобщий, имеющий в определенный период силу для всех народов, независимо от их местопребывания. Но с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков. Характерным моментом периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих – только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, – маисом. Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий.

2. *Средняя ступень.* На востоке начинается с приручения домашних животных, на западе – с возделывания съедобных растений при помощи орошения и с употребления для построек адобов (высушенного на солнце кирпича-сырца) и камня.

Мы начинаем с запада, так как здесь, до завоевания Америки европейцами, дальше этой ступени нигде не пошли.

Индейцам, находившимся на низшей ступени варварства (к ним принадлежали все, кто жил к востоку от Миссисипи), был известен уже ко времени их открытия какой-то способ

выращивания в огородах маиса и, возможно, также тыквы, дыни и других – огородных растений, которые составляли весьма существенную часть их питания; они жили в деревянных домах, в обнесенных частоколом деревнях. Северо-западные племена, особенно обитавшие в бассейне реки Колумбии, стояли еще на высшей ступени дикости и не знали ни гончарного искусства, ни какого бы то ни было возделывания растений. Напротив, индейцы, относящиеся к так называемым пуэбло в Новой Мексике, мексиканцы, обитатели Центральной Америки и перуанцы находились ко времени завоевания на средней ступени варварства: они жили в похожих на крепости домах из адобов или камня, выращивали в искусственно орошаемых огородах маис и другие – различные, в зависимости от местоположения и климата, – съедобные растения, служившие им главными источниками питания, и даже приручили некоторых животных: мексиканцы – индюка и других птиц, перуанцы – ламу. К тому же они были знакомы с обработкой металлов, но за исключением железа, и поэтому они все еще не могли обходиться без оружия и орудий из камня. Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.